

© 2005 г.

К 70-ЛЕТИЮ МИХАИЛА ЛЕОНОВИЧА ГАСПАРОВА

С фонарем и линейкой

«Лучше Вы, – сказал Гаспаров, – таксисты для меня не останавливаются». Я подняла руку и машина затормозила. Таксисту за долю секунды надо понять, что перед ним пассажир – как пассажир. И если кто-то слишком похож на инопланетянина, лучше на всякий случай не брать такого. Древние говорили, что есть люди, боги и Пифагор. Про Гаспарова хочется сказать нечто подобное. Мешает он сам, потому что ему это не понравится. Пифагор очень хотел отличаться, а Михаил Леонович хотел «походить» на всех и быть незаметным, быть как прозрачное стекло, не заслонять текста своей интерпретацией. Но остаться незамеченным у него не получилось.

Десять лет тому назад я написала юбилейную статью для «Известий ОЛЯ» к 60-летию Гаспарова. Академиков положено поздравлять с юбилеями именно в «Известиях РАН». Вспоминаю об этом потому, что то была первая (sic!) статья о Михаиле Леоновиче. Кроме нее, к Personalia можно было отнести только рецензии и немногочисленные на то время интервью. Сейчас трудно вообразить такое, потому что за десять последних лет росла и выходила за пределы научного сообщества к широкой публике, за пределы России в Европу и Америку, за пределы взрослой аудитории к детям известность Гаспарова как филолога *par excellence*.

Гаспаров родился в Замоскворечье 70 лет тому назад, и мир встретил его мучительным хаосом и жестокой суетой. Если попытаться проследить, что такое «хорошо» и что такое «плохо» для Гаспарова, то поймешь, что «хорошо» – это упорядоченно, просто, ясно, стройно. Правда, еще эффектно и неожиданно. Таков идеал эстетический, таков и научный, такое Гаспаров стремится поселить в текучей и путаной материи нашей жизни. Но рядом с классической прозрачностью несентиментальная зоркость и утонченный вкус к абсурду.

Как культурный герой, год за годом он вносит посильный порядок в наш замусоренный мир, с юности принявшись за синтагмы, слова, слог и звуки. И даже те, кому не близок подчеркнутый рационализм Михаила Леоновича, его стремление непременно подсчитать и измерить что только можно, склонят голову перед неслышанным «академиком авангардистом». Я перефразирую сказанное самим Михаилом Леоновичем о Валерии Брюсове, поэте, о котором он писал, наверное, больше чем о других, во всяком случае, русских поэтах.

Определение «академический» не требует комментариев, всем ясно, что Гаспаров – ученый из научных святцев первейший. А вот «авангардизм» его – вещь более сложная. Под «авангардизмом» я разумею нетрадиционную научную и литературную ориентацию юбиляра. Проще всего показать пальцем на книгу «Экспериментальные переводы», на введение верлибра в переводы античных авторов, на поэтические эпитомы (сокращенные переводы) и на разрабатываемую на разном материале поэтику пересказа, которая, конечно, имеет истоки в простодушных жанрах перифо и дайджестов, но другим концом упирается в римейки постмодернизма. Экспериментальным надо назвать и комментарий к собранию стихов О.Э. Мандельштама. Книга устроена так, что читать надо комментарий, а от него переходить к стихам. Но есть материя и посложней. Книга «Записи и выписки», мной так и не понятая, несомненно экспериментальна. Здесь прямое высказывание автобиографической прозы, мемуаристики, ответов на анкеты и манифестоподобных («ненаучных», как выражается Гаспаров) статей, например, «Филология как нравственность» соседствует с предельно не своим: сны Ольги Седаковой вперемешку с «Лениноравный маршал Сталин» М. Гарловского, с понравившимися цитатами, литыми характеристиками («тучное туловище, гладкая голова и глаза, как пули» – это Я. Эльсберг), чужими *mots*, курьезами... Не поняла я книгу потому, что она таинственным образом вся автопортретна, но только в целом, рассыпав, самому такой «пазл» снова не сложить. «Записи и выписки» ответили каким-то из ожиданий новейшего веселого дидизма, хотя нет в них самих ни того, ни другого. В них есть беспощадность. В первую голову к себе.

И конечно, в этой книге есть выписки на слово «юбилей». Все они комичны и насмешливы, даже ядовиты. Каково поздравлять такого-то человека? Перечислять все комнаты в здании науки о древности и науки о поэзии, которые Михаил Леонович возвел и обставил, обжил и нас туда впустил? Читатель «Вестника древней истории» знает, чем и скольким обязан Гаспарову. Список его трудов – героический эпос, и можно видеть, как римская поэзия потеснилась и ее место заняли сначала стиховедение, а потом русская поэзия, как переводы таких центральных книг классической античности, как «Поэтика» Аристотеля, «Оратор» Цицерона, «Наука поэзии» Горация и «Наука любви» Овидия, и таких разных, как «Оды» Пиндара, «Сонник» Артемидора или философская поэма Парменида, заменяются книгами Ариосто, Сефериса, «Руодлибом», Эзрой Паундом... Все больше авторов маргинальных, а тем изысканных, все больше раритетов, но

паралельно в последнее десятилетие нарастает число публицистических статей и книги для детей: о прошлом для будущего.

Но нелегко приходится интервьюерам, ведь Гаспаров отвечает точно и честно.

Журналист: Какие зарубежные литературы вам наиболее интересны?

М.Г.: Китайская и японская, потому что их по переводам невозможно представить. Боюсь, что этот интерес так и не будет утолен.

Журналист: Самый любимый переведенный вами писатель?

М.Г.: Без ответа: это мое личное дело.

Журналист: Берясь за перевод очередного автора, стараетесь ли вы узнать о нем побольше?

М.Г.: Не то слово: я обязан знать все.

И если ответы неожиданны и парадоксальны, значит, наши ожидания сформированы штампом.

Мне не сказать всего, но и никому не сказать. Я знаю, что все, кто возьмет в руки этот журнал, пожелают здоровья Михаилу Леоновичу по случаю его юбилея. Не потому что так принято, а потому что и преклоняются и любят.

Н.В. Брагинская

* * *

Когда номер журнала уже был подписан в печать, пришло печальное известие о кончине Михаила Леоновича Гаспарова – выдающегося ученого, научная жизнь которого была посвящена российской гуманитарной науке. Для нас – антиковедов – эта трагическая утрата особенно болезненна. Михаил Леонович в течение многих лет возглавлял Редакционный совет «Вестника древней истории». В самое ближайшее время мы посвятим памяти этого замечательного ученого и человека специальный номер журнала.